АНДРЕЙ ШЕЛЕСТ

ТОТ, КОГО Я ОТПУСТИЛА

Андрей Шелест

Тот, кого я отпустила

«Автор»
2026

Шелест А.

Тот, кого я отпустила / А. Шелест — «Автор», 2026

Верхний Рейн, 1450 год. Натали чинит старые книги и слышит голоса умерших. Однажды барон Андреас, которого она любит, приносит ей семейный часослов. На серебряной застежке нужно вырезать букву для другой невесты. Вскоре погибает плотник Конрад. Он оставил сыну половину дохода с моста, но грамота исчезла. Андреас знает, где искать правду, и знает, как заставить мертвеца замолчать. Семь лет спустя жена барона увидит во сне мокрые сходни и синие стежки на чужом рукаве. Средневековая предыстория рассказа «Та, которую я уже терял».

© Шелест А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Чужая буква 5
2. Лед 9
3. Что осталось от отца 13
4. Три зимы 16
5. Дом Рота 20
6. Полотно 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Андрей Шелест
Тот, кого я отпустила

1. Чужая буква

Натали узнала Андреаса по звону шпор за дверью. Другие мужчины входили в мастерскую как были, оставляли на половицах мокрые следы и удивлялись, когда она просила снять плащ. Андреас сначала отвязывал шпоры, потом стряхивал воду с плеч и только тогда брался за щеколду.

В тот день он долго не входил.

Она успела перевернуть две сшитые тетради, проверить, не повело ли под прессом крышку, и снять с углей горшочек клея. За дверью звякнуло снова. Когда-то этот звук казался ей обещанием: сейчас день сделается лучше. Теперь Натали поймала себя на том, что вслушивается, словно там стоял чужой.

С утра в Фалькенверте пахло речным илом. Неделю назад лед разбил мост на боковом рукаве Рейна; вода ушла, а запах остался в одежде, в дровах, в хлебе, который булочник принес ей за починку счетной книги. Натали положила хлеб возле очага. К приходу Андреаса корка успела согреться.

Он наконец открыл дверь. На нижнем краю плаща засохла светлая глина. В руках был плоский сверток, завернутый в холст.

Натали указала на хлеб.

"Ел?"

Он покачал головой и положил сверток на верстак.

"Тогда сначала ешь".

Она достала нож. Андреас обычно брал его у нее раньше, чем она успевала срезать первую горбушку: любил толстые ломти и считал, что она режет хлеб так же скупо, как хорошую кожу. Сегодня он позволил ей отломить кусок, подать, налить воды в глиняную кружку. Пил стоя, глядя мимо нее на окно.

На полке сушились два обрезка телячьей кожи. Один рыжеватый, другой темно-коричневый. Натали берегла их для заказчика из монастыря, которому нравилось торговаться за каждую пуговицу на чужом рукаве, хотя пуговиц она не делала. Андреас провел пальцем по рыжему обрезку.

"Вот такой есть побольше?"

"Для чего?"

Он развязал холст.

Часослов она узнала раньше, чем увидела серебряного льва на застежке. У нижнего угла оставалась маленькая вмятина. В детстве Натали уронила книгу на каменную ступеньку, а Андреас сказал матери, что виноват он. Госпожа Матильда тогда посмотрела сначала на сына, потом на Натали и велела обоим вытряхнуть карманы. Из кармана Натали выпала отломанная деревянная щепка.

Матильда рассмеялась. Отец Натали склеил деревянную крышку, но вмятина на серебряном боку льва так и осталась. Теперь старый шов разошелся, и из-под кожи снова выглядывало светлое дерево.

"Он совсем разваливается", сказал Андреас.

Натали осторожно раскрыла книгу. На первом листе стояла дата смерти его матери. Ниже, другим почерком, была вписана дата смерти отца. Чернила в нижней записи еще блестели, если повернуть лист к окну.

"Здесь шитье целое. Кожа рассохлась, ремешок надо сменить. И дерево укрепить".

"Сделаешь?"

Она взглянула на него. Он и раньше приносил вещи, с которыми другие мастера не хотели возиться. Сломанный гребень, сумочку с разошедшимся швом, отцовский пояс, истертый у пряжки. Иногда она ворчала, что переплетная мастерская мало-помалу превращается в убежище для увечных предметов. Андреас отвечал, что больше им некуда идти.

Сегодня он спросил так, будто впервые переступил ее порог.

Натали накрыла книгу ладонью.

"К какому дню?"

"К воскресенью после Вознесения".

Она пересчитала недели. Времени хватало. Даже с нынешней нехваткой хорошей кожи. Даже если мастер Лоренц снова уедет за серебром и будет уверять, что вернулся вчера, хотя вся улица видела его три дня назад у пивовара.

Андреас потер большим пальцем край застежки.

"Льва оставь. С обратной стороны нужна буква".

На миг очаг будто оказался ближе. Натали почувствовала его жар на щеках. В баронском доме этот часослов переходил к молодой хозяйке. Матильда сама рассказывала ей, как получила книгу от матери мужа, которая целый год после свадьбы не позволяла трогать серебряную застежку без платка. Натали тогда спросила, зачем человеку вещь, если до нее нельзя дотронуться. Матильда ответила, что ей самой понадобилось двадцать лет, чтобы задать этот вопрос.

Натали отдернула руку от книги.

Она уже знала, что должна услышать. Не слова, только звук своего имени. Он мог сказать его тихо, мог запнуться. Она простила бы ему даже неловкую шутку, которой он прикрывал все серьезное. Но Андреас молчал, и тишина между ними длилась так долго, что Натали потянулась за восковой дощечкой.

"Какую букву?"

Он взял палочку и вывел А.

У нее еще осталось несколько мгновений надежды. Его имя тоже начиналось с этой буквы. Может быть, он хочет свою букву на внутренней стороне, а ее на внешней. Может быть, от этого глупого страха потом станет смешно.

"А звать ее как?"

Андреас положил палочку рядом с дощечкой.

"Агнес".

За стеной стукнула ставня. Соседская девочка засмеялась, потом ее позвали домой. Натали взяла горшочек клея и поставила обратно на угли. Клей еще не остыл. Она прекрасно это знала.

"Дочь Рота?"

"Да".

Она следила за пузырьком возле края. Если клей закипит, будет хуже держать. Это было ясное, полезное знание, и она уцепилась за него.

"Ты давно решил?"

"Натали..."

"Давно?"

"Вчера приложили печати".

Она сняла горшочек. Вчера он был здесь. Ел с ней похлебку, слушал, как на чердаке возится птица, и поднялся проверить крышу, потому что Натали не могла достать до перекладины. Спускаясь, стукнулся головой. Она смеялась и растирала ему ушиб, а он поймал ее за запястье и прижал пальцы к губам.

"До того, как ты пришел? Или после?"

Андреас закрыл глаза.

Ответ оказался у нее раньше слов.

Натали оперлась на край верстака. Старая ножка качнулась. Андреас по привычке носком подвинул клинышек под дерево. Это маленькое движение едва не заставило ее заплакать. Он знал, где лежит клинышек. Знал, что хлеб надо оставлять коркой к огню. Знал, какую ступеньку на лестнице лучше переступить, чтобы не разбудить ее. И при этом вчера сумел войти сюда, уже выбрав другую жизнь, и ничего не сказать.

"Я хотел рассказать тебе сам".

Она посмотрела на часослов.

"Вот и рассказал".

Андреас выдохнул, словно она ударила его в живот.

"Послушай меня".

Натали отодвинула дощечку к его стороне стола.

"Слушаю".

Он заговорил о мосте. О лесе, который надо сплавить до большой воды. О камне для опор. О людях, которым еще с осени недоплатили жалованье. Назвал несколько сумм. Она слышала каждую и понимала, что он не лжет. В этом было худшее. Бедность баронского дома была настоящей, вода унесла настоящие бревна, слугам действительно нужно было есть.

Только вчера ни одна из этих вещей не помешала ему целовать ее пальцы.

"Рот даст лес сейчас. В долг без срока он не даст. А так..."

"А так даст за дочь".

"Не говори так".

"Как?"

Он не ответил. Она заметила, что повязка на правой ладони снова пропиталась кровью. Натали сама промывала этот порез после ледохода и велела беречь руку. Хотела спросить,

почему он не сменил ткань. Уже почти спросила. Потом поняла, что опять собирается делать для него то, что делала всегда: помочь вытерпеть боль, пока собственная ждала.

Она убрала хлеб на полку.

"Я починю книгу. Букву Лоренц сделает. Ему передай, как должна выглядеть накладка, я в серебре не разбираюсь".

"Ты же знаешь, что я..."

Он оборвал фразу, и Натали вдруг устала. Очень сильно, будто носила воду весь день.

"Нет. Сегодня я многое перестала знать".

Андреас постоял еще немного. Она чувствовала, как он ждет разрешения подойти. Он мог переступить через половину мастерской, обнять ее, и какое-то время им обоим стало бы легче. Натали не была уверена, что сумеет отстраниться. Поэтому она взяла нож для кожи и повернулась к окну.

Уходя, Андреас забыл шпоры. Вернулся за ними, долго возился с ремешками, а она все держала нож, хотя резать было нечего.

Когда дверь наконец закрылась, Натали села на низкий табурет и положила часослов себе на колени.

В складке холста остался один темный волос. Она сняла его, прижала к пальцу. В комнате было слышно, как лопаются пузырьки в клею.

К вечеру мастер Лоренц заглянул узнать, не нужен ли ей уголь. Она показала ему дощечку.

"На серебре?" спросил он.

Натали кивнула.

Лоренц подвинул дощечку к свету. Ему было за шестьдесят. Он носил на груди, под рубахой, маленькую деревянную ложку умершей внучки и считал, что никто об этом не знает. Натали однажды видела, как он гладил ее, стоя у ворот кладбища.

"Неровная буква. Переделать?"

Она долго смотрела на черточку, которую рука Андреаса увела в сторону.

"Переделай".

Лоренц не стал задавать других вопросов. Вынул из мешочка кусок угля, положил возле очага и ушел.

Натали вернулась к столу. Работа требовала снять старую кожу, не повредив деревянные крышки. Она могла делать это почти с закрытыми глазами. Но в тот вечер каждый раз, когда нож доходил до угла, рука останавливалась.

Под старой кожей сохранилась маленькая щепка. Та самая, которую она много лет назад пыталась спрятать в кармане. Отец когда-то подклеил ее обратно.

Натали провела по ней ногтем и впервые за весь день заплакала.

2. Лед

За восемь дней до того, как Андреас принес Натали часослов, его разбудил мальчик с переправы.

Мальчик стоял на пороге спальни босой. Одну руку держал у груди, а другой теребил обшитый мехом ворот сторожа, который поспешно натянул на него свой плащ. По каменному полу тянулись мокрые следы.

"Средняя опора трещит".

Андреас сел. На мгновение слова ничего ему не сказали. За окном еще было темно. В горле стоял вкус вчерашнего слабого вина, которым он пытался согреться после обхода двора.

"Кто тебя прислал?"

"Конрад. Велел сказать: людей с баграми. И канаты".

Андреас подхватил рубаху. Пока одевался, мальчик смотрел на меховую подкладку, из которой все еще капала вода. Наверное, думал, что придется платить за испорченный плащ.

"Ты по мосту бежал?"

"Еще держит".

"Назад по берегу. Слышишь? Через мост не пойдешь".

Во дворе уже выводили лошадь. Андреас отмахнулся. До переправы было меньше четверти часа пешком, а у воды лошадь только мешала бы. Он велел разбудить всех, кто мог держать канат, взял со стены старую отцовскую куртку и вышел под дождь.

Река шумела иначе, чем накануне. Обычно ночью ее было слышно у самих опор; теперь гул катился между домами, заходил в переулки. У булочной стояла женщина с пустой корзиной и смотрела вниз, туда, где над водой качался огонек. Андреас хотел крикнуть ей, чтобы ушла, но женщина сама отступила в дверь.

На мост не пропускали. Конрад поставил поперек въезда телегу и привязал к ней фонарь. Возле колеса сидел возчик, прижимая к щеке окровавленную тряпку. Его лошадь дрожала под мешковиной. Он успел вывезти передние колеса на берег, когда под задними лопнула доска.

Андреас увидел Конрада ниже по откосу. Плотник стоял по колено в воде и подавал своему сыну веревку. Мартин обвязывал ее вокруг дерева. Он был уже ростом с отца, но движе-

ния выдавали шестнадцатилетнего мальчишку: слишком торопливые, слишком сильные. Узел лег плохо.

"Развяжи", сказал Конрад.

"Держит".

"Сейчас держит. Подтянет, не развяжешь. Еще раз".

Андреас спустился к ним. Глина поползла под сапогом; он удержался за голую ветку, ободрав ладонь.

"Что нужно?"

Конрад даже не повернулся.

"С той стороны убрать людей. На опору прижало старый тополь, а в него бьет все, что сверху идет. Если срежет, пролет ляжет".

Андреас посмотрел через воду. У дальней караулки белело чье-то лицо. Он крикнул, замахал рукой. Человек не двигался.

"Там сборщик?"

"Счетную доску спасает. И сундук".

Андреас выругался. Рядом, очень тихо, Мартин повторил то же слово. Конрад велел ему держать конец.

На мосту была узкая полоса, где еще можно пройти. Андреас ступил на настил. Под подошвой пошла едва заметная дрожь. Вода, черная и маслянистая, несла льдины. Они сжимались у опоры, поднимались ребром, разбивались с сухим звуком, будто внизу ломали кости.

"Назад!" крикнул Конрад.

Андреас поднял ладонь: вижу. Не видит он ничего, подумал тут же. Только собственное желание оказаться полезным раньше, чем все рухнет.

Из караулки вышел сборщик Отто, волоча за ручку маленький сундук. Андреас схватил другой край. Они вместе потащили его к берегу. Отто задыхался и все повторял, что неделя еще не закрыта, что монеты не сосчитаны.

"Оставь".

"Там книга".

"Ручку оставь. Я понесу".

Отто понял только со второго раза. Андреас подхватил сундук на руки и почувствовал, как порез на ладони раскрылся. Боль была острой и простой. Он даже обрадовался ей: она заставила смотреть на доски под ногами, перестать думать о том, что происходит внизу.

До телеги оставалось несколько шагов, когда мост сдвинулся.

Андреас не услышал грохота. Сначала перед ним изменилась линия перил. Она была ровной, а стала наклонной. Потом фонарь на телеге качнулся в противоположную сторону. Отто вскрикнул и упал на колени.

С берега бросили канат. Кто-то зацепил им Андреаса поперек груди. Он дернулся, сундук ударил по колену, крышка отскочила. В грязь посыпались серебряные и медные монеты. Мартин схватил Андреаса за плечо. Вместе они вывалились на откос.

Только тогда пришел звук. Средний пролет поднялся одним концом, словно кто-то под водой поддел его гигантским рычагом, и с треском ушел вниз. Перила еще несколько мгновений торчали над потоком. Потом исчезли и они.

Отто полз по грязи и собирал монеты.

Мартин начал смеяться. Смех был тонкий и испуганный. Конрад ударил его по плечу открытой ладонью.

"Живы? Оба?"

Андреас кивнул. Мартин перестал смеяться.

Плотник посмотрел туда, где только что был мост. В посветлевшей воде медленно поворачивалось бревно. Оно выглядело маленьким, совершенно не похожим на ту тяжесть, ради

которой зимой рубили лес и нанимали лошадей. Андреас стоял рядом и не знал, что сказать человеку, который двенадцать лет назад собирал этот пролет своими руками.

Конрад заметил его взгляд.

"Дерево новое поставим. Людей бы не ставить новых".

Он сказал это буднично, как говорил о затупленном топоре. Но, отойдя к телеге, вдруг присел и долго не поднимался. Мартин подал ему флягу.

К рассвету дождь ослаб. Пришли женщины с горячим питьем. Кто-то принес корзину хлеба, и в одну минуту оказалось, что руки у всех черные, а вытереть нечем. Натали, появившаяся вместе с булочницей, разорвала старый холст на полосы.

Она увидела порез Андреаса.

"Дай".

Он хотел сказать, что ничего страшного, но она уже взяла его ладонь. Натали промыла рану и стянула края чистой тряпицей. Он наблюдал за ее пальцами. На указательном был след от иглы. Дома, в мастерской, он заметил бы его, взял бы эту руку, подул на маленький красный прокол. Здесь вокруг стояли люди, и он только смотрел.

Натали завязала узел.

"Намочишь, сменишь".

"У меня во всем доме сухой нитки нет".

Она коротко улыбнулась.

"Приходи. У меня найдется".

Конрад поднялся. Попросил Андреаса пройти с ним к караулке. Мартин пошел следом, но отец остановил его.

"Лошадь возчику напои. С утра дрожит".

Они остались вдвоем у разбитого въезда. Между берегами теперь лежала широкая полоса воды. На противоположной стороне уже собирались телеги. Кто-то кричал, требовал пустить, словно здесь нарочно убрали мост, чтобы задержать его груз.

"Муку надо сегодня перевозить", сказал Конрад. "У Ганса две лодки. Одну для людей, вторую под мешки. Телеги оставят там. Разгрузим по частям".

Андреас кивнул.

"Сколько стоит восстановить?"

Конрад потер глаза. В красных складках кожи застряла речная грязь.

"Пока не знаю. Вода спадет, посмотрим нижние связи. Но новую опору я бы ставил выше".

"Сколько?"

"Ты хочешь, чтобы я назвал число, а потом отвечал за него?"

Андреас отвернулся. Конрад помолчал и заговорил мягче.

"Разберемся. Я лес найду. В долг, если придется. Стекольщик держит у себя запас для новой сушильни, можно выкупить. Камень в карьере есть. Люди тоже есть".

"А деньги?"

"Люди и есть деньги, пока согласны работать".

Андреас посмотрел на свои сапоги. Из одного торчала соломинка. Рядом с носком поблескивал пфенниг, который не заметил Отто. Он поднял монету, потер о рукав. Та стала только грязнее.

За зиму он расплатился с двумя отцовскими кредиторами. Третий ждал к Пасхе. На верхнем этаже замка закрыли три комнаты, потому что не хватало дров. Кухарка давно разбавляла похлебку, но при нем по-прежнему ставила на стол отдельную миску мяса. Он заставил ее перестать. Потом заметил, что она сама почти не ест.

"Мы не вытянем", сказал он.

Конрад посмотрел на него с удивлением.

"Кто это мы?"

Андреас поднял голову.

"Мой дом".

"А. Дом".

Плотник выпрямился и посмотрел на дальний берег, где уже спорили возчики.

"Я про мост спрашивал".

К полудню воду покрыли лодки. Мешки с мукой несли на плечах. Мартин спорил со старшим перевозчиком, доказывая, что еще один мешок поместится на носу, и получил от отца приказ самому сесть на это место. Натали раздавала хлеб. Отто сушил страницы счетной книги у жаровни.

Андреас поднялся на дорогу. Отсюда работа казалась ладной и даже спокойной. Люди находили, за что взяться. Каждый делал что-нибудь, и это успокаивало сильнее любых слов.

У телеги его ждал слуга Ульриха Рота. На сапогах слуги не было грязи; лошадь стояла выше, на сухом месте.

"Господин велел передать, что у него есть лес. Если угодно прийти сегодня".

Андреас оглянулся на воду. Конрад внизу придерживал лодку, пока в нее спускали следующий мешок. Увидел барона, поднял руку: вечером поговорим.

Андреас ответил тем же движением.

А потом пошел за слугой.

3. Что осталось от отца

У Рота пахло сухим деревом и корицей. После речной воды этот запах казался почти неприличным. Андреас оставил мокрую куртку на руках слуги и сразу пожалел: под ней была старая рубаха с потертым воротом. Он собирался обсудить лес. Однако уже у порога почувствовал себя просителем.

В приемной стояли два сундука. На одном лежала черная кошка. Она не открыла глаз, когда он вошел. Слуга предложил ему сесть, но Андреас остался у окна.

Ульрих Рот не заставил его ждать. Вошел из боковой комнаты, держа в руке ломоть яблока. Он был невысок, широк в плечах и двигался с осторожностью человека, которому давно мешают колени. Андреас знал его с детства и не мог припомнить, чтобы тот когда-нибудь торопился.

"Ты ранен?"

Андреас посмотрел на перевязанную ладонь.

"Ветка".

"И мост?"

"Лед".

Рот усмехнулся.

"Слова короткие. Расходы будут длиннее. Садись".

Он положил яблоко на блюдо и подвинул Андреасу кубок. Вино было подогретым. Андреас сделал глоток и почувствовал, как отступает дрожь, которой до сих пор не замечал.

Рот спросил про опоры, про караулку, про людей. Ни разу не перебил. Когда Андреас назвал имя Конрада, хозяин кивнул, словно ставил отметку в уме.

"Мастер хороший. На цену упрям".

"Ему есть что терять".

"Всем есть".

Рот положил ладонь на крышку одного из сундуков. Кошка недовольно шевельнула хвостом.

"У меня выше по реке шесть плотов. Лес выдержан. При другой воде я бы вез его в Страсбург, покупатель ждет. Могу отдать здесь".

Он назвал цену. Андреас невольно поставил кубок.

"За эти деньги я куплю лес на два моста".

"Осенью. И еще год будешь сушить. А мой уже здесь".

За дверью послышались женские голоса. Один смеялся, другой пытался говорить серьезно и все равно смеялся тоже. Рот слегка повернул голову, но дверь не открыл.

"Мне нужен срок", сказал Андреас.

"Какой?"

"Два года".

"Под что?"

Андреас перечислил верхний луг, лесной участок, доход с мельницы. Рот молчал. Когда Андреас закончил, хозяин подошел к столу и взял маленькую дощечку, на которой уже что-то было написано.

"Луг заложен до осени. Лесной участок спорный, монастырь еще при твоем отце подал жалобу. Мельница принадлежит твоей материнской родне. Ты получаешь с нее долю, но заложить всю не можешь".

Андреас почувствовал, как тепло от вина поднимается к лицу.

"Ты приготовился".

"Я много лет работаю с вашим домом".

"Мой отец тебе платил".

"Платил. Поэтому я с тобой и разговариваю".

Ни угрозы, ни злорадства в его голосе не было. От этого Андреасу стало еще тяжелее. Он мог бы встать, если бы Рот его оскорбил. Мог бы рассердиться. Но хозяин только называл вещи, которые действительно существовали.

В дверь постучали. Вошла девушка с чистым полотном и маленькой миской.

Агнес он видел прежде на службе и за столом у общих знакомых. Она сидела рядом с отцом, отвечала, когда к ней обращались, и почти не улыбалась. Сегодня волосы были убраны под простую светлую косынку, рукава закатаны до запястий. На одном пальце белело тесто.

"У тебя кровь через тряпку проступила", сказала она.

Андреас спрятал руку под край стола.

"Уже перевязали".

"Вижу. Теперь надо еще раз".

Она поставила миску рядом с ним. Не стала брать его за руку. Подождала.

Он нехотя протянул ладонь. Агнес размотала мокрую полоску, которую завязала Натали, промыла порез и наложила чистую. Действовала ловко, но один раз все-таки причинила боль. Тут же взглянула ему в лицо.

"Терпи. Если бы ты захотел жаловаться, давно бы начал".

Рот засмеялся. Андреас тоже улыбнулся, хотя ему было совсем не весело.

Агнес заметила эту улыбку. Посмотрела на отца, на дощечку с расчетами. Убрала грязное полотно в миску и вышла.

После ее ухода Рот некоторое время молчал. Потом спросил о матери Андреаса. О том, как она в последнюю зиму сама считала запасы и узнала, что управляющий берет себе часть свечей. Соседство воспоминания с нынешним разговором показалось Андреасу дурным. Он не ответил.

"Твой дом нуждается в хозяйке", сказал Рот.

Андреас поднял на него глаза.

"И моя дочь нуждается в доме, где ее детей будут уважать. Она выросла. Я не вечен".

Теперь причина приглашения стала ясной. Лес действительно был здесь. Покупатель в Страсбурге, наверное, тоже ждал. Рот не обманул его ни в одном слове. Он лишь положил одно рядом с другим в удобном порядке.

"Ты об этом хотел говорить?"

"Я хотел, чтобы мы поняли друг друга".

"А Агнес?"

"Я спрошу ее".

Андреас не ожидал такого ответа. Рот заметил его удивление и впервые за весь разговор нахмурился.

"Она моя единственная дочь. Думаешь, мне все равно, как она будет жить?"

За окном к воротам подошел человек с корзиной. Слуга поговорил с ним и вынес маленький мешочек. Человек развязал его, пересчитал содержимое и поклонился. Здесь платили вовремя. Андреас вдруг подумал об этом с такой завистью, что устыдился.

"Мне надо идти".

Рот кивнул. Не задержал, не потребовал ответа. Только сказал, что плоты пока останутся выше по реке.

На улице стало холоднее. Андреас надел мокрую куртку и пошел домой длинной дорогой, мимо сада. Через ограду виднелись голые яблони. Под одной из них кто-то оставил перевернутую корзину. Весной его мать ставила такие корзины на раннюю траву, чтобы та росла светлой и мягкой для кухни. Отец смеялся, говорил, что в этом доме даже зелень заставляют прятаться от солнца.

Они оба умерли, а корзина стояла.

В замке его встретила Берта. Она служила еще у матери, знала все двери и все разговоры, которые происходили за ними. При Андреасе старалась двигаться чуть быстрее, чем могла. Он ненавидел эту ее старательность: чувствовал себя виноватым всякий раз, когда замечал, как она держится за перила.

"Воду согрела. Снимай мокрое".

"Сначала счета".

"Сначала сапоги. Со счетами можно и босиком".

Он подчинился. В маленькой комнате рядом с кухней стояла деревянная лохань. Когда Андреас опустил в нее ноги, больно заныло в пальцах. Берта принесла сухую рубаху и отвернулась к окну, как делала, когда он был ребенком.

"Рот звал?"

Он молчал.

"Хорошая у него девочка".

"Ты ее знаешь?"

"Ее мать знала. Девочка похожа".

Берта хотела сказать еще что-то, но передумала. Андреас сам спросил:

"А Натали?"

Старуха аккуратно сложила мокрую куртку.

"Что Натали?"

"Ты прекрасно понимаешь".

"Понимаю. Только ты у меня спрашиваешь, как будто я выбираю".

Она ушла. Андреас остался сидеть, глядя на воду, в которой плавали кусочки глины. Было легко представить себе, как изменится дом. Починенная крыша. Жалованье слугам. В спальне снова тепло. В кладовой не надо будет считать каждую вязанку дров. Агнес сядет во главе стола и будет разговаривать с Бертой о запасах.

В эту картину Натали не помещалась. Не потому, что была хуже Агнес. Андреас просто знал, как она посмотрела бы на все эти приготовления. Она спросила бы, почему нельзя пока жить в двух теплых комнатах, а остальные запереть. Спросила бы, сколько коней нужно человеку, который чаще ходит пешком. И на оба вопроса у него имелись бы ответы, хорошие, разумные, каждый немного длиннее, чем нужно.

К вечеру он достал из отцовского стола связку ключей. Один ключ был маленьким, потемневшим, с замятой бородкой. От материнского ларца.

В ларце хранились письма, гребень и тонкая книжечка в серой коже. На первой странице стояло имя бабки. Книжечка не была молитвенником, хотя мать держала ее рядом с распятием. В ней были описаны способы укрыть живого от голоса покойника.

Андреас читал ее только однажды, шестнадцатилетним. Тогда старый дядя Герберт перестал спать. Ему казалось, что умерший брат каждую ночь зовет его в сад. Мать пришла к дяде, села рядом, долго слушала. Потом попросила позволения положить ладонь ему за ухо.

Он помнил ее слова. Особенно последние.

"Ты сам должен захотеть тишины. Я не могу хотеть за тебя".

После того случая Герберт прожил еще четыре года. Ни о саде, ни о брате не говорил.

Андреас закрыл книжечку. Ему самому иногда случалось слышать тех, кого давно похоронили. Голос матери однажды произнес его имя у лестницы; он остановился, и под следующей ступенькой обнаружилась трещина. Он никому об этом не рассказывал. Даже Натали, хотя догадывался, что ее молчание у некоторых дверей похоже на его собственное.

Сегодня в доме было тихо. Мертвые ничего от него не требовали.

Живые ждали у переправы.

Андреас убрал книжечку на место, оставил ключ в замке и пошел к Конраду.

4. Три зимы

Конрад ждал его в мастерской. Дверь была приоткрыта, чтобы быстрее уходила сырость. Внутри пахло мокрой шерстью, стружкой и похлебкой, которую Мартин ел прямо из горшка. Увидев барона, мальчик вскочил, едва не опрокинув скамью.

"Ешь", сказал отец.

Мартин сел. Однако ложку больше не поднял.

На верстаке лежала доска с нарисованным углем пролетом. Рядом стояли два мастера: каменщик Якоб и плотник Лутц. Андреас знал обоих. Якоб три года чинил ему дымоход и всякий раз говорил, что в следующую зиму все равно придется перекладывать. Лутц был молчалив, работал быстро и считал за себя вдвое хуже, чем за нанятых им подмастерьев.

Конрад подвинул гостю табурет.

"Мы прикинули".

Андреас сел. Всякий раз, когда он входил в эту мастерскую, ему казалось, что здесь слишком низкий потолок. Хотя он легко мог поднять руку и не достать до балки. Дело было в людях. Они стояли вокруг него без обычной почтительной пустоты, которую оставляли между собой и бароном слуги.

Якоб разложил камешки на рисунке. Показал, где вода подмыла основание и где можно сохранить старую кладку. Лутц назвал деревья, которые согласен уступить стекольщик. Конрад рассказал, какие бревна удалось выловить ниже по течению. Сначала Андреас слушал невнимательно. Потом поймал себя на том, что наклонился к доске.

Они действительно видели, как построить мост.

Не когда-нибудь. До конца лета, если весенняя вода позволит забить временные опоры.

"Сейчас мы дадим лес и работу в долг", сказал Конрад. "Откроем проезд, начнем возвращать из вашей половины чистого дохода. Моя в первый год тоже пойдет туда. На текущую починку и жалованье сборщику оставим прежде деления. На все остальное хватит трех лет".

"Три года", повторил Андреас.

"Три года после открытия. Если движение будет хорошее, рассчитаемся раньше. Вернем свое и перестанем брать. Все запишем. При свидетелях".

Якоб положил на край стола маленький мешочек.

"Вот на первых людей. Больше у меня сейчас нет. Это с приданого старшей. Жених подождет до осени".

Андреас посмотрел на мешочек и ощутил раздражение, которого не ожидал. Ему показалось, что его принуждают быть благодарным прежде, чем он решил согласиться. Чужая жертва лежала перед ним, чтобы он не мог назвать свою.

"А мне из чего платить дома?"

Якоб пожал плечами.

"У вас остается земля".

"Земля не родит монеты".

"У меня тоже".

Конрад поднял ладонь, останавливая их.

"Сколько нужно до урожая? Не на прежнюю жизнь, на еду и жалованье. Посчитаем отдельно".

Это было разумно. Именно поэтому Андреас не хотел отвечать. Он мог назвать сумму и превратить свое унижение в еще одну строчку на доске. Сколько нужно барону на овес, на соль, на обувь слугам. Сколько серебра стоит привычка его семьи садиться за стол после того, как все уже подано.

Снаружи хлопнула дверь. Натали вошла с деревянной миской. Конрад помахал ей: ставь там. Она принесла вяленые яблоки, которые тетка прислала ей прошлой осенью. Для Мартина, объяснила она, после такой воды надо сладкого. Мартин покраснел и тут же сказал, что он не маленький.

"Тогда для твоего отца. Он еще меньше".

Конрад засмеялся. Натали поставила миску и заметила рисунок. Подошла ближе. Андреас ждал, что она встанет возле него, но она осталась с другой стороны стола, рядом с Якобом.

"Уже придумали?"

"Почти", ответил Конрад.

Андреас вдруг услышал в этом слове упрек. Он уже знал, что пойдет к Роту еще раз. По дороге от купца не решился признаться себе, а сейчас знал. И любое доброе предложение становилось препятствием, за которое он злился на предлагающего.

Натали спросила, как будут возить камень. Якоб объяснил. Она слушала серьезно. Если не понимала, спрашивала еще раз. Так она всегда разговаривала с мастерами: не боялась показаться неученой и потому очень быстро разбиралась в том, что ей было нужно.

Андреас вспомнил, как прошлой осенью она чинила книгу лекаря. Чтобы не перепутать листы, переписала незнакомые слова на обрезок и пошла спрашивать. Вернулась сердитая: лекарь долго объяснял ей устройство больного кишечника, хотя она просила только прочесть названия трав. Потом смеялась весь вечер, изображая его надменное лицо.

Он любил, когда она смеялась. Было почти физически больно думать, что однажды она будет смеяться так с кем-нибудь другим.

"Надо поговорить со сборщиком", сказал Андреас. "Я не подпишу того, чего не смогу исполнить".

Конрад кивнул.

"Завтра приведем Отто. Он все знает".

"Завтра я занят".

Слишком быстро ответил. Натали посмотрела на него. Он сделал вид, что изучает доску.

Лутц, молчавший до этого, спросил:

"За лесом к Роту ходили?"

Андреас поднял голову.

"А если ходил?"

"Тогда спросите, по какой цене он отдаст и что захочет взамен".

"Я умею считать".

Лутц спокойно посмотрел на него.

"Думаю, да. Вот я не всегда умею. Потому и спрашиваю до работы".

На этом разговор кончился. Никто не объявлял его законченным, но руки сами потянулись убирать камешки. Якоб завязал мешочек. Конрад накрыл рисунок полотном. Мартин наконец взял ложку.

Натали вышла вместе с Андреасом. За день ветер повернул, и теперь от воды тянуло холодом. В узком переулке они шли рядом, иногда задевая друг друга плечами. У ворот ее мастерской Натали остановилась.

"Что не так с их предложением?"

"Слишком много неизвестного".

"А у Рота известное?"

Он поджал губы. Натали это заметила.

"Я не спорю. Правда спрашиваю".

Андреас прислонился к стене. Вдруг навалилась усталость. Он весь день промокал, мерз, считал, спасал вещи, которые снова придется спасать завтра. Рядом стоял единственный человек, перед которым он раньше мог признаться, что больше не может. Сейчас признание казалось опасным. Если он скажет, что боится, она спросит, чего именно. А если ответит честно, придется самому услышать, насколько некрасив этот страх.

Он боялся, что его будут жалеть. Что мастера, выстроившие ему мост, станут смотреть на него как на большого беспомощного мальчика. Что он встретит знакомых дворян в старой куртке и будет помнить, сколько стоило их молчание, когда они увидели заплатку.

Натали протянула руку и потрогала повязку.

"Не болит?"

"Терпимо".

Она узнала чужой узел. Спросила, кто перевязывал. Он сказал, что у Рота принесли полотно. Имени не назвал.

"Зайди. Я кашу поставила".

В мастерской было тепло. Натали сняла плащ и повесила у двери. На ее левом рукаве темнела старая синяя штопка. Он помнил, как разорвал этот рукав шпорой у переправы. Хотел купить ей другое платье, а она заштопала старое синей ниткой. С тех пор он снимал шпоры заранее, даже когда очень спешил.

Андреас смотрел на этот рукав и думал, что она умеет прожить без всего, что ему кажется необходимым. Эта мысль должна была успокоить. Вместо этого она сделала его одиноким.

Они ели молча. Натали рассказала, как соседский мальчик принес ей переплести деревянную дощечку. Хотел книгу, а листов не было. Она дала ему обрезки, сшила три маленькие тетради и попросила записывать, сколько раз за день он соврет. Мальчик рассердился и заявил, что так маленькой книги не хватит.

Андреас засмеялся. Смех вышел неожиданно свободным. На несколько мгновений ему показалось, что можно остаться здесь и больше никуда не идти.

Натали придвинула ему миску.

"Вот. Уже похож на себя".

Он положил ладонь на стол. Она накрыла ее своей. Некоторое время они сидели так, не глядя друг на друга. За окном кто-то вел мула. Копыта скребли по камням, и погонщик уговаривал животное голосом, которым обычно говорят с больным ребенком.

"Если мост долго будет без дохода..." начал Андреас.

Натали ждала.

"Придется многое переменить".

"Наверное".

"Тебе легко говорить".

Ее рука чуть напряглась, но она не убрала ее.

"Почему легко?"

Он посмотрел на маленькую комнату, на два табурета, на лестницу, ведущую к ее постели.

И вовремя понял, что нельзя произнести то, что подумал.

Натали сама убрала руку.

"У тебя есть дом. У меня тоже. Просто мой меньше".

Он попытался объяснить, что не это имел в виду. Она не перебивала. От этого объяснение делалось все длиннее, все хуже.

Когда Андреас уходил, Натали дала ему два чистых лоскута для ладони. Он поцеловал ее у виска. Она позволила, но не повернулась к нему, как обычно.

На следующий день Конрад пришел в замок вместе с Отто. Андреас был у Рота.

Вернувшись, он нашел на столе дощечку с расчетами. В углу Конрад вырезал маленькую стрелку: здесь начинается счет. Даже уголь мог стереться, а вырезанная линия осталась бы.

Андреас перевернул дощечку рисунком вниз.

5. Дом Рота

Агнес узнала, что выходит замуж, от женщины, которая принесла ей перешивать зимнее платье.

"К лету вы здесь уже не останетесь", сказала та, распарывая подкладку.

Ножницы тихо щелкнули. Агнес посмотрела на дверь. Внизу отец разговаривал с погонщиком мулов, и его голос звучал точно так же, как вчера, когда никакой свадьбы еще не было.

Она отпустила швею, не дав ей закончить.

В комнате отца пахло мокрой шерстью. На столе лежала свежая ветка розмарина: он клал ее перед собой, когда сводил счета. Агнес подняла ветку, чтобы не мять ладонями, и спросила, почему чужие люди знают о ее жизни больше нее самой.

Ульрих снял очки. На переносице остались две красные вмятины.

"Я говорил о возможности".

"Швея говорит о платье".

Он подвинул ей стул. Агнес осталась стоять.

За последние пять лет отец сватал ее трижды. Первый жених умер от лихорадки еще до обмена подарками. Второй при встрече беспрестанно говорил о своих лошадях, потом спросил, сколько работников останется при доме после смерти Ульриха. Третий потребовал оставить Агнес младшую сестру прислуживать его матери. Сестры у нее не было. Он перепутал дочерей двух купцов и не слишком смутился, когда ошибку ему объяснили.

Андреас, когда она перевязывала ему ладонь, не отвлекался на расчеты отца. Смотрел на нее. Агнес помнила эту неловкую улыбку лучше всего разговора о свадьбе.

Она замечала его раньше. В соборе он не толкал других впереди себя и каждый раз дожидался, пока старая женщина, стоявшая у колонны, закончит молитву. Однажды подал ей упавшую палку. Агнес потом выяснила, что это была кухарка его матери.

Из таких мелочей легко было составить человека, которого хотелось знать.

"Он согласился?"

"Ему нужны средства".

"Я спросила другое".

Отец помолчал. Агнес увидела ответ раньше, чем он заговорил.

"Пока нет".

Она положила розмарин на стол.

"Тогда прекратите распоряжаться моей одеждой".

На лестнице ей стало стыдно за резкость. Отец любил ее, как умел: запасал дрова раньше морозов, проверял крепления на ставнях, узнавал, где живет лекарь, даже когда никто не болел. После смерти жены он привык устранять любую опасность прежде, чем дочь ее заметит. У этого была обратная сторона. Иногда вместе с опасностью исчезало право Агнес решать самой.

Через два дня барон приехал снова. На этот раз она вышла во двор, пока слуга принимал коня.

"Если вы пришли только к отцу, я вас задержу".

Андреас спустился с седла неловко: мешала перевязанная ладонь.

Они прошли под навес, где сушились доски. Дождь пробивал отверстие в крыше и собирался в выбоине. Агнес смотрела, как круги расходятся по воде. Ей казалось, если она начнет с вопроса о ране, вся смелость кончится на этой ране.

"Меня не следует брать в жены из благодарности".

Он повернулся к ней.

"Я никому не давал такого обещания".

"Мне тоже. Поэтому и говорю сейчас".

Они помолчали. Над головой скрипела связка сырого дерева.

"Есть женщина, которая ждет вас?" спросила Агнес.

Ответ можно было отложить. Сказать, что это слишком личное, что отец должен был объяснить положение. Андреас выбрал несколько слов, в которых не было прямой лжи и не осталось почти ничего правдивого.

"Я не обручен".

Агнес отвернулась от лужи.

"Это не то, о чем я спросила".

Он почувствовал внезапное раздражение: здесь от него снова требовали того, на что он не приготовился. Но женщина стояла спокойно, без притворной скромности. Никакого удовольствия в его затруднении она не находила.

"Есть человек, с которым мне надо поговорить".

"Поговорите прежде, чем придете с ответом".

Он кивнул. Агнес запомнила этот кивок.

Ульрих принял барона в небольшой задней комнате. Из окна был виден спуск к реке: по нему годами доставляли лес. Без мостового перехода грузы приходилось вести в обход, и каждая неделя оборачивалась убытком. Отцовская тревога была настоящей. Это делало его предложение особенно удобным для Андреаса. В нем можно было видеть спасение города и не разглядывать все остальное.

Условия лежали перед ними на двух листах. Ульрих давал лес и деньги на мастеров. Часть суммы входила в приданое, часть должна была вернуться из будущих сборов. Барон сохранял землю и господский дом. Агнес получала записанную долю на содержание в случае вдовства.

"И прежнее соглашение с Конрадом?" спросил Андреас.

Ульрих не стал делать вид, что не понял.

Он достал из сундука узкий сверток. Сначала отогнул полотняную обертку, затем положил на стол грамоту. Две печати на полосках пергамента легли рядом, как тяжелые плоды на тонких стеблях.

Барон узнал отцовский знак. На миг ему показалось, будто отец стоит за его плечом и видит, куда он смотрит.

"Сбор делится после расходов", сказал Ульрих. "Пока переход не приносит дохода, делить нечего. Когда восстановим, сначала вернутся вложенные средства".

"Он уже предлагал вложить свои".

"Я знаю".

Ульрих начал сворачивать грамоту. Андреас удержал край ладонью.

"Конрад должен согласиться с новыми расходами".

"Значит, получите его согласие".

За стеной кашлянул слуга. Ульрих поднял глаза и продолжил тише:

"Он умеет строить. Но чем больше у решения хозяев, тем дольше стоят телеги. Ваш отец тоже не всегда легко сходился с ним".

Андреас убрал руку. Пергамент завернулся в полотно.

"Грамота останется у вас?"

"Как и все двенадцать лет. Так они оба решили. Я свидетель и хранитель, не владелец".

Ульрих затянул шнур на свертке и убрал его в сундук. Андреас смотрел, как крышка закрывает отцовскую печать.

На обратном пути Андреас остановился у мастерской Натали. В окне горела лампа. Она стояла спиной, склонившись над книгой, и у него появилось дикое желание войти, обнять ее и ничего не решать хотя бы до утра.

Он проехал мимо.

Спустя два дня Ульрих прислал слугу за ответом. Мастера все еще ждали. Дощечка Конрада лежала на столе, повернутая вниз; под ней остался темный прямоугольник, потому что вокруг Берта уже вытерла пыль.

Барон поднял дощечку. Трехлетний расчет был прост. Дом оставался ему. Слугам хватало на жалованье, семье на еду. Пришлось бы расстаться с частью коней, отменить охоты и перестать одалживать деньги тем, кто когда-то сидел за столом отца. Он представил лица соседей. Представил, как его будут жалеть.

Потом послал Роту согласие.

В день подписания Агнес надела темно-зеленое платье. Она не улыбалась непрерывно, как надеялся отец, но когда Андреас подвинул ей скамью, улыбка все-таки появилась.

"Вы поговорили?" спросила она перед тем, как вошел писец.

Он уже слышал шаги в коридоре.

"Я все решил".

Агнес приняла эти слова за ответ.

Воск остыл быстро. Ульрих осторожно завернул новую запись. Агнес коснулась руки жениха, и он впервые заметил, что она волнуется не меньше него. Ей хотелось, чтобы этот день был хорошим.

Вечером Андреас пошел к Натали.

Он собирался рассказать сразу. Но она открыла дверь с мукой на запястье, обрадовалась и сказала, что наконец-то он пришел вовремя, хлеб еще теплый.

Пока она доставала его из полотенца, Андреас сидел за знакомым столом. Внутри все слабело от облегчения. Можно было прожить еще один вечер так, словно ничего не случилось.

Он остался.

6. Полотно

Сорочка лежала на верхней полке, завернутая в старую простыню. Натали достала ее на третье утро после заказа часослова.

Она покупала полотно зимой. Торговка разрешила вынести кусок из-под навеса, чтобы увидеть при дневном свете: плотный лен, без желтизны, мелкое ровное плетение. Натали тогда растерла край между пальцами, представила, как он смягчится после стирки, и отдала деньги, отложенные на новые деревянные прессы.

Они с Андреасом никогда не назначали дня. Иногда он говорил: когда рассчитаюсь с отцовскими долгами. В другой раз: когда перестанет течь крыша в западных покоях. Однажды, лежа рядом с ней, спросил, где она поставила бы свой переплетный стол в замке. Она ответила, что стол останется здесь. Он засмеялся. Ей казалось, это было почти обещание.

Теперь предстояло закончить горловину.

В коробке с нитками остался синий клубок. Натали перекатила его пальцем и вспомнила другую испорченную ткань, три года назад.

Они тогда прятались от дождя под навесом у переправы. Андреас помогал ей перебраться через низкий борт, зацепил шпорой левый рукав и разорвал его почти у локтя. Натали сперва выругалась, потом увидела его лицо и рассмеялась. Он держал порванный край с таким ужасом, словно оторвал ей руку.

"Это мое лучшее дорожное платье".

"Я куплю другое".

"Ты не знаешь, какое".

"Покажешь".

Она покачала головой и забрала рукав. Ткань была мягкой, разношенной, удобной в долгой дороге. Новое платье не могло стать таким сразу, сколько бы ни стоило.

На другой день он принес дорогой отрез, слишком тонкий для холода и слишком светлый для работы. Натали разложила его на столе, посмотрела на Андреаса и спросила, куда, по его мнению, она собирается в таком ходить.

"Куда захочешь".

Он сказал это так искренне, что сердиться не получилось. Она объяснила про ветер у реки, грязные борта и собственные руки, на которых к вечеру почти всегда оставался клей. Потом нашла синюю нитку и заштопала разрыв. Он сидел рядом, подавал ножницы, хотя они лежали ближе к ней, и мешал тем, что хотел помочь непременно сейчас.

На следующей переправе Андреас сам заметил штопку. Коснулся края осторожно, будто проверял зажившую рану.

"Видно", сказал он.

"Я знаю".

"Жаль".

"Зато держится".

Дорогую ткань она пустила на мягкие мешочки для книжных застежек. Андреас сначала обиделся, а потом сам попросил один для материнского гребня. С тех пор снимал шпоры перед ее дверью.

Натали помнила, как была счастлива от этой маленькой перемены. Он услышал ее, запомнил, сделал иначе. Тогда казалось, что так они сумеют разобраться со всем остальным.

Она положила синий клубок на место. Платье по-прежнему висело у лестницы. Починенный рукав прослужил три года, а тонкая ткань подарка давно закончилась.

Сначала Натали решила распороть сорочку. Из полотна можно было сделать много полезного: повязки, покрывала для книг, новую рубашку себе. Она взяла ножницы и поняла, что не может найти место для первого разреза. Каждое движение требовало сил, которых не осталось.

В дверь постучали. За ней стоял Мартин с отцовским поясом.

"Пряжка оторвалась. Отец сказал, вы сумеете прошить кожу".

Натали впустила его. Мальчик сразу заметил сорочку и быстро отвел взгляд. За эти дни весь город успел узнать, кто станет баронессой. Чужое несчастье распространялось легче, чем известие о хорошем урожае.

Она проколола кожу шилом, взяла толстую вощеную нить. Мартин смотрел, как игла проходит сквозь приготовленные отверстия.

"Вы сердитесь на него?" спросил он.

Натали подняла глаза.

"Я не заставляю тебя носить между нами слова".

"Я сам спросил".

"Сержусь".

Он кивнул, словно этот короткий ответ что-то поставил на место.

"Отец тоже".

Она не стала расспрашивать. Мартин заговорил без приглашения. Рот привез лес. Плотникам назначили плату, будто они чужие работники, а Конраду передали лист с расчетом, по которому мост еще долго ничего ему не должен. Отец сказал, подпись не поставит. Работу, однако, не бросил.

"Почему?" спросила Натали.

Мартин пожал плечами.

"Там люди. Если бревно сорвется, оно не спросит, чьи деньги".

Он вдруг рассмеялся совсем по-детски, довольный тем, как точно передал отцовский голос. Натали тоже улыбнулась. Несколько мгновений в мастерской стало легче.

Когда пояс был готов, мальчик полез за медяком. Она взяла монету, хотя хотелось отказаться. Конрад не любил, когда из его сына делали просителя.

После ухода Мартина Натали дошила горловину. Не для свадьбы. Ей нужно было закончить хотя бы что-нибудь, что она начала сама.

Андреас пришел вечером. На этот раз принес еду, но оставил сверток возле двери, увидев ее лицо.

"Ты не должна была узнавать так".

Она поставила корзинку с нитками на пол.

"А как я должна была?"

Он сказал о мосте. Об Ульрихе, о долгах, о тех, кто остался без заработка после ледохода. Натали слушала стоя. Иногда он смотрел на стул, надеясь, что она сядет и разговор станет обычным.

"Я была на том собрании", сказала она наконец. "Слышала, что предложил Конрад".

"Это означало бы годами просить у собственных слуг отсрочки".

"В его расчете оставалось на жалованье".

Он осекся. Вот чего он не хотел: чтобы она помнила числа, могла развернуть дощечку и проверить.

"Ты думаешь, мне легко?"

"Я думаю, ты выбрал. Ты мог прийти и сказать мне это. А вместо этого пришел ужинать".

Андреас поднял руку, но не коснулся ее.

"Я люблю тебя".

Она впервые за весь вечер отвела взгляд. От этих слов стало больнее, чем от известия о браке. Она все еще хотела к нему подойти. Хотела положить лоб на его грудь, чтобы он перестал объяснять и просто держал ее. Собственное желание казалось унизительным, хотя ничего унизительного в нем не было.

"И что мне с этим делать?"

Он молчал.

"Ждать, когда твоя жена уедет к отцу? Прятать твой плащ, если кто-нибудь войдет?"

"Я не предлагал тебе такого".

"Тогда скажи, что предлагаешь".

Он сел, хотя она не садилась, и положил перевязанную руку на колено. Натали ждала ответа стоя.

"Не знаю", сказал он.

Натали взяла простыню с сорочкой, положила перед ним.

"Это твое".

Он развернул ткань. Увидел аккуратные мелкие стежки и провел по ним пальцем. Она знала, что он сейчас вспомнил: как они спорили о слишком широких рукавах, как он сам прикладывал к плечам еще не сшитые куски и требовал, чтобы она посмотрела.

"Не надо".

"Я закончила".

Он поднялся и шагнул к ней. Натали отступила, задев корзинку. Катушка прокатилась до двери. Оба посмотрели на нее, как на неожиданно вошедшего третьего человека.

"Уходи сегодня", сказала она. "Часослов получишь, когда будет готов".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.